

Денис Макаров

УЖИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Макаров

Ужин

<https://litres.ru/73983779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ужин - это о людях, которые не стали теми, кем хотели. Учитель физики Сергей пытается понять, есть ли у него право смотреть на учениц. Его жена Оксана ищет хоть что-то, что можно почувствовать, — и находит это в грязном туалете ночного клуба. Зам мэра Марк ждёт повышения двенадцать лет, но получает только приказ «ждать». А его жена Людмила примеряет платья, которые так и не наденет. Четыре человека, четыре тайны, один вечер, который изменит всё — или не изменит ничего.

Денис Макаров

Ужин

Глава 1. Сергей

Урок физики в 9 «Б» шёл своим чередом — то есть никуда не шёл, а стоял на месте, как телега в грязи. Сергей объяснял закон сохранения импульса, но думал не об импульсе. Он думал о том, что Копылова опять надела юбку, которая кончается, не успев начаться.

— К доске пойдёт... — он сделал паузу, хотя уже знал, кого вызовет, — Копылова.

Она выплыла из-за парты с грацией человека, который точно знает, что на него смотрят. Юбка — чёрная, узкая, короткая — жила своей жизнью: натягивалась, когда она шагала, поднималась ещё выше, когда она тянулась за мелом. Сергей стоял у окна и смотрел. Не как учитель на ученицу. Совсем не как учитель.

Она повернулась к доске и начала вытирать мел — движения были рваные, и юбка ходила ходуном, приоткрывая то, что девятикласснице показывать не положено, но что она показывала с упорством, достойным лучшего применения. Блузка была на размер меньше, чем нужно, и когда Копылова тянулась к верхнему краю доски, грудь — не по годам большая, упругая, наглая — ходила вправо-влево, как маятник. Сергей Викторович смотрел на этот маятник и чувствовал,

как в кабинете физики становится душно.

Класс затих. Тишина была особенная — не рабочая, а та, что возникает, когда двадцать человек одновременно понимают: учитель пялится. С задней парты кто-то хмыкнул. Копылова обернулась, поймала его взгляд и — вместо того чтобы смутиться — улыбнулась уголком рта. Так, как будто они были в сговоре. Как будто это была игра, в которую она играла лучше него.

В дверь заглянула завуч по воспитательной работе — та самая, с пучком и вечной мигренью. Посмотрела на Сергея, потом на Копылову, потом снова на Сергея. Ничего не сказала. Просто закрыла дверь.

Прозвенел звонок. Сергей вздрогнул, как будто его разбудили посреди сна. Копылова, всё с той же улыбкой, поплыла к своей парте, юбка ещё раз взметнулась, когда она села, и он отвернулся — слишком резко, слишком поздно.

Он вышел из класса и направился в учительскую. Ноги несли его сами, а в голове было пусто и гулко, как в спортзале после уроков. Хотелось чаю. Просто чаю. Просто посидеть, перевести дух, сделать лицо нормальным — не таким, какое было там, у доски.

В учительской никого не было. Почти никого. За столом у окна сидела завуч по воспитательной работе. Она подняла глаза, когда он вошёл, и он сразу понял: она его ждала. Может, специально задержалась. Может, просто совпало. Совпадения в школе — это такая же редкость, как искренность

на педсовете.

— Сергей Викторович, — сказала она. Голос был ровный, без металла, но и без тепла. Такой голос бывает у врачей, которые сообщают диагноз: ещё не приговор, но уже намёк.

— Добрый день, — сказал он и прошёл к чайнику, стараясь не смотреть на неё. Чайник был старый, с накипью, и он долго возился с кнопкой, делая вид, что это требует всего его внимания. «Лишь бы она ничего не спросила. Лишь бы она просто допила свой чай и ушла. Вот бы сейчас оказаться где-то в другом месте. В шкафу. В шахте. В открытом космосе. Где угодно, только не здесь».

Завуч не ушла. Она отодвинула чашку и посмотрела на него поверх очков.

— Наши ученики, Сергей Викторович, — она сделала паузу, подбирая слова, как подбирают ключи к замку, который может захлопнуться, — это, конечно, уже достаточно взрослые люди. Девятый класс — они себя взрослыми считают. Особенно девочки. Особенно некоторые девочки. Но мы-то с вами знаем: они ещё дети. Наши дети.

Она не сказала «ваши дети». Она сказала «наши». И от этого «наши» у Сергея внутри что-то сжалось.

— И мы, учителя, — продолжала она, — мы для них как... как зеркало. Они смотрят на нас и видят, какими им становиться. Или какими не становиться. Это большая ответственность. Вы согласны?

Он кивнул. Чайник закипел и отключился с щелчком, но

он даже не обернулся.

— Я, конечно, не имею в виду ничего конкретного, — сказала завуч и сняла очки, протирая их салфеткой. — Просто мысли вслух. Бывают такие моменты, когда нужно напомнить себе: мы взрослые. А они — нет. Даже если кажется иначе.

В учительской повисла тишина. Тишина была густая, как кисель. Сергей чувствовал, как краснеет шея, как поднимается к ушам горячая волна, как ком в горле мешает дышать. Он открыл рот, чтобы сказать что-то умное, достойное, профессиональное.

— Я... я понимаю, — выдавил он. — Я... у меня просто... я не выспался сегодня.

Завуч надела очки и посмотрела на него. Не осуждающе. Не гневно. Скорее, устало. Как смотрят на человека, который только что поскользнулся на ровном месте и теперь делает вид, что так и было задумано.

— Выспитесь, Сергей Викторович, — сказала она. — Это полезно.

Она встала, взяла свою чашку и вышла. Чашка звякнула о блюдец. Дверь закрылась.

Сергей остался один. Он стоял у чайника и смотрел в стену. На стене висело расписание — бумажка с таблицей, приклеенная криво. 9 «Б», среда, физика, кабинет 23. Он смотрел на эту таблицу и думал: «Не выспался. Идиот».

Он налил себе чай. Чай был горячий, безвкусный. Он пил

его и чувствовал, как ком в горле понемногу рассасывается, оставляя после себя саднящий след — как после долгого кашля.

Через неделю отец Копыловой написал заявление.

Комиссия, директор, объяснительные. «Я не... я просто... она сама так одевается!» — хотел сказать он, но не сказал. Потому что «она сама так одевается» — это первое, что говорит настоящий виновный. Он не был виновен руками. Но он был виновен глазами. И это различие интересовало только его одного. Остальным хватало глаз.

Отпуск за свой счёт. Билет до Паттайи. Жена сказала: «Конечно». Он уже не помнил её лица в тот момент — кажется, она красила ресницы и смотрела в зеркало, а не на него.

Бар «Сапфир» на Бич-роуд встретил его запахом кондиционера и прокисшего пива. На сцене танцевали — три девушки и один транс. Транс был молоденький, почти ребёнок: узкие плечи, гладкая кожа, глаза — огромные, тёмные, с поволокой, как у лани, которую ещё не убили, но уже загнали. Он двигался неумело, старательно, и в этой старательности было что-то щемящее. Как будто он не танцевал, а делал уроки перед строгой матерью.

Сергей взял виски и сел так, чтобы видеть сцену. Транс заметил его взгляд и улыбнулся — не профессиональной улыб-

кой, а какой-то детской, неуверенной. У него был маленький рот, и зубы чуть выступали вперёд — как будто молочные, хотя ему наверняка было уже за восемнадцать. Или не было.

— You like? — спросил транс, спустившись со сцены и подойдя к столику. Голос был тонкий, ломкий.

— How old are you? — спросил Сергей.

— Nineteen, — сказал транс и тут же отвёл глаза. Врал. Может, девятнадцать. Может, шестнадцать. Может, какая разница, когда ты сидишь в баре в Паттайе и у тебя в кармане две тысячи бат.

Сергей заплатил.

Номер на третьем этаже. Кондиционер гудел, как трансформаторная будка. Тигр на покрывале скалился, но как-то не уверенно. Транс разделся быстро, по-деловому, но, когда лёг на кровать, сжался в комочек, подтянул колени к груди. Он был худой, рёбра торчали. Сергей посмотрел на него и на секунду увидел не трансa, не проститутку, не «ladyboy» — а ребёнка. Того самого, на которого нельзя смотреть. Того самого, о котором пишут в заявлениях.

Он выключил эту мысль. Просто сделал то, за чем пришёл. Тело работало.

Потом он заплатил. Транс оделся, улыбнулся своей детской улыбкой и ушёл, пахнув дешёвыми духами. Сергей остался один.

И начал пить.

Виски был местный, с привкусом ацетона. Он пил его пря-

мо из горла, не чувствуя вкуса. Первый стакан — за то, чтобы забыть. Второй — чтобы не помнить. Третий — чтобы никогда, никому, ни при каких обстоятельствах. На четвёртом он перестал считать. Он сидел на полу, привалившись спиной к кровати, и пил, пил, пил, пока комната не поплыла, а тигр на покрывале не начал скалиться по-настоящему.

Он напился как свинья. Как последняя свинья, которая валяется в собственной грязи и не может из неё вылезти, потому что грязь тёплая, а подниматься холодно. Он не думал о трансе. Он не думал о Копыловой. Он вообще не думал — это была главная цель. Отключить голову. Чтобы она не успела сказать ему то, что он и так знал.

Под утро он очнулся на полу. Рядом валялась пустая бутылка. Вторая — начатая — стояла на тумбочке, и он потянулся к ней, но рука не слушалась. Он лежал и смотрел в потолок. Кондиционер всё ещё гудел.

«Хоть бы никто не узнал, — подумал он. — Хоть бы никто никогда не узнал».

Это была единственная мысль. Не «я понял». Не «я изменюсь». Не «я расскажу жене». Нет. Только: «Хоть бы никто не узнал».

Он закрыл глаза. Открыл их уже днём.

В аэропорту он ждал жену. Она не приехала. Он стоял с чемоданом у выхода, смотрел на встречающих — чужие люди, чужие цветы, чужие объятия, — и думал, что надо бы позвонить. Но не позвонил. Сел в такси и поехал домой один.

Это было нормально. Он даже не удивился. Они давно уже не удивлялись и не удивляли.

Дома он открыл дверь своим ключом. В квартире пахло пустотой и туалетной водой Оксаны. Оксаны не было — то ли на работе, то ли у подруги, то ли где-то ещё, где не нужно притворяться, что ты ждала мужа. Он прошёл на кухню, открыл холодильник. Там стояла кастрюля с супом — ещё его, недельной давности. Суп покрылся плёнкой, но пах ещё ничего.

Он зачерпнул ложкой, попробовал. Холодный. Невкусный. Но есть можно.

Сергей сел за стол и начал есть холодный суп. За окном темнело. Он ел и думал о том, что завтра в школу. Что всё будет как раньше, только внутри появилась ещё одна комната, в которую он никого не пустит.

Хоть бы никто не узнал.

Хоть бы никто. Никогда.

Глава 2. Оксана

Оксана мыла пол.

Не потому, что пол был грязный — он был чистый, она мыла его на днях. Просто мытьё пола было единственным занятием, которое позволяло ей не думать о том, что муж улетел в Таиланд, а она осталась в квартире с кастрюлями и чувством, похожим на зубную боль: ноет, но не настолько, чтобы идти к врачу.

Она тёрла тряпкой угол у холодильника и думала: «Инте-

ресно, он там с проститутками? Или просто пьёт? Или и то, и другое?» Мысль должна была вызвать ревность, но ревность не вызывалась. Вызывалось что-то другое — смутное, похожее на облегчение. Как будто его отсутствие давало ей право на что-то, чего она ещё не придумала.

Телефон звякнул. Люда.

— Окси, ты дома? Чего делаешь?

— Пол мою.

— В пятницу вечером? Ты с ума сошла. Собирайся, я за тобой заеду через час. Мы идём в клуб.

— Я не хочу в клуб.

— А я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Ты не выходила в свет уже полгода. У тебя муж в Тае, ты свободна, а трёшь пол, как Золушка перед приездом мачехи. Всё, через час.

Люда положила трубку раньше, чем Оксана успела возразить. Это было в её стиле — не разговаривать, а отдавать распоряжения. Оксана иногда ненавидела её за это. Иногда — была благодарна. Потому что сама она уже давно разучилась принимать решения, которые не касались выбора между «Пемолуксом» и «Мистером Пропером».

Она домыла пол, вылила грязную воду в унитаз и встала перед шкафом. Шкаф был полон вещей, купленных за последние пять лет и ни разу толком не надетых. Она перебирала плечики и думала: «Это — для свидания. Но у меня нет свидания. Это — для корпоратива. Но Серёжа не любит корпоративы. Это — просто красивое. Но куда в нём? В ма-

газин?»

Она выбрала чёрное. Обтягивающее. С вырезом, который был чуть глубже, чем она привыкла. Посмотрела в зеркало. Из зеркала на неё смотрела женщина, которую она не видела давно — может, с института, может, вообще никогда. Женщина была красивая, но какая-то голодная. Как будто она долго не ела и теперь готова была съесть всё, что поставят на стол.

Люда приехала ровно через час. Она всегда приезжала вовремя — это было частью её образа идеальной жены идеального зама мэра. На ней было платье оттенка «благородный жемчуг» и туфли, которые стоили как половина зарплаты Оксаны. Она окинула Оксану взглядом и кивнула:

— Ну вот. Можешь же, когда хочешь. Поехали.

Клуб назывался «Парадиз», но был скорее чистилищем — местом, где души проходят проверку на прочность, и большинство её не проходит. Грохот музыки, липкий пол, бармен с лицом человека, который видел всё и уже не надеется увидеть что-то новое. Люда сразу потащила Оксану к бару, заказала по коктейлю, и они сели на высокие стулья, озирая зал.

— Смотри, — сказала Люда, — вон тот, у колонны. Симпатичный.

Оксана посмотрела. Мужчина лет тридцати пяти, в рубашке с закатанными рукавами, стоял у колонны и пил что-то прозрачное. Он не был симпатичным. Он был обычным.

Но в этом обычном было что-то, что заставило её задержать взгляд.

— Я замужем, — сказала она.

— Я тоже, — сказала Люда. — Но смотреть-то можно. Или ты уже и смотреть разучилась?

Оксана не ответила. Она пила коктейль и чувствовала, как алкоголь расходится по телу — сначала тепло, потом жар, потом что-то третье, чему не было названия.

Через два коктейля она танцевала. Через три — мужчина у колонны подошёл. Через четыре — они целовались в коридоре у туалета, и его руки были везде, и её руки тоже были везде, и это было не как с мужем. С мужем было... никак. С мужем было «давай побыстрее» и «ты кончила?» и «спокойной ночи». А это было грязно и жарко и стыдно, и она хотела ещё.

— Пойдём, — сказал он и потянул её в кабинку туалета.

Кабинка была тесная, с запахом мочи и похоти. Он развернул её к стене, задрал платье, и она упёрлась ладонями в холодный кафель. Он делал с ней то, на что она никогда не решалась с мужем, — грубо, молча, не спрашивая. Она не сопротивлялась. Она просто стояла, прижавшись лбом к холодной плитке, и чувствовала, как тело отвечает раньше, чем разум успевает запретить.

И в этот момент она была последней блядью — и не чувствовала ничего, кроме облегчения.

Потом он кончил, подтянул штаны и вышел, даже не спро-

сив, как её зовут. Она осталась в кабинке одна. Поправила платье. Посмотрела на себя в маленькое зеркало над раковиной. Тушь потекла, волосы сбились, на шее краснел след от его губ. Она выглядела как женщина, которая только что изменила мужу в туалете ночного клуба. Потому что она была этой женщиной.

Она вышла в зал. Люда сидела у бара и пила мартини.

— Ты где была? — спросила она.

— В туалете.

Люда посмотрела на неё внимательно — тем самым взглядом, каким смотрят на вещь, которая неожиданно оказалась дороже, чем думали. Или дешевле. Она ничего не сказала. Просто улыбнулась и заказала ещё мартини.

Такси поймали у выхода из клуба. Люда села вперёд и тут же закрыла глаза — то ли задремала, то ли сделала вид. Оксана села сзади и прижалась виском к холодному стеклу. Город проплывал мимо — мокрый, жёлтый, равнодушный.

Таксист был из тех, кто не выносит тишины. Он поправил зеркало заднего вида и начал говорить — не Оксане, а пространству:

— Последний заказ сегодня. Ещё час — и домой. Жена там у меня... — он улыбнулся, и в зеркале мелькнули его глаза. — Беременная уже. Девятый месяц. Сказал ей: «Ты сейчас как арбуз, только лучше». Она обиделась, а потом смеялась.

Он помолчал, перестраиваясь в другой ряд.

— Я ей конфетки купил. Она любит эти, с орехом, в золотой фольге. Дорогие, зараза, но, когда беременная — что не сделаешь, да? Приеду, она уже спит, наверное. А я конфетки на подушку положу. Проснётся утром — обрадуется.

Он говорил, а Оксана смотрела в окно. Стекло запотело от её дыхания. По щеке поползла слеза — одна, медленная, тяжёлая. Она не вытирала её. Просто сидела и позволяла ей ползти вниз, к подбородку, к шее, туда, где ещё горел след от чужих губ.

Таксист заметил тишину и замолчал. Может, увидел в зеркале. Может, просто понял. Хорошие таксисты всегда понимают, когда пассажиру не нужны слова. Он включил радио — тихо-тихо, чтобы не мешать, — и остаток пути они ехали молча.

Она вышла у своего дома. Протянула деньги. Таксист взял, кивнул и сказал:

— Берегите себя.

Она не ответила.

Квартира встретила её тишиной.

Телефон звякнул. Сергей: «Я в аэропорту. Скоро буду».

Она прочитала и не ответила. Просто отложила телефон.

«Интересно, — подумала она, — узнает ли он? Догадается ли? Почувствует ли запах?» Она понюхала своё запястье. Пахло чужим одеколоном и хлоркой. Надо будет помыться до его прихода.

Она пошла в ванную и долго стояла под душем, смывая с

себя ночь. Вода была горячая, почти обжигающая. Она стояла и думала: «Я — Оксана. Жена Сергея. Я изменила ему в туалете клуба "Парадиз" с мужчиной, чьего имени не знаю».

Она закрыла воду, вытерлась и стала собираться. Куда — она не знала, хотела уйти куда угодно прямо сейчас. Через час придёт муж. Она не расскажет ему. Никогда. Это будет её тайна. Её маленькая, грязная тайна.

Она вышла из квартиры, пошла пешком по лестнице, ждать лифта и нечаянно встретиться с мужем — это было не в её силах.

Хоть бы никто не узнал. Хоть бы никто. Никогда.

Глава 3. Марк

Марк Леонидович просыпался всегда в шесть утра, даже по выходным. Не потому что хотел — просто организм, выдрессированный годами аппаратной службы, не признавал праздности. Праздность была для тех, кто ничего не решал. Марк Леонидович решал — или, по крайней мере, должен был решать.

Он лежал в постели, прислушивался к дыханию жены, но ничего не слышал, жена уже была на кухне, начал думать о мере. Эта мысль приходила к нему раньше, чем чистка зубов, раньше, чем кофе, раньше, чем первое «доброе утро». Мэр — большой, грузный, с лицом человека, который уже всё съел и теперь смотрит, что бы ещё отобрать у других, — занимал в голове Марка столько места, что остальным мыс-

лям приходилось ютиться по углам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.